

У КАЗАКОВ сумятица. Верхушка все трубят: «За Бога, за царя, за Отечество!». А царя-то уже два года скоро как нет, Бог высоко, и Отечество... Какое оно будет-то? Куда прибавиться?

Что за фрукт такой этот Колчак? Адмирал к царю ближе, да не царь. Чех — иностранец, к чему с ним-то общаться? А красивые — они за бедных. Опять же прежних правителей разогнали и до казаков доберутся.

Начальник Главного штаба зимних повстанцев Федор Иванович Архипов, вождь зиминского большевистского подполья Гавриил Семенович Ивкин еще до восстания не один раз вели разговор о казаках. Ивкин, зная их по Питеру, по патайке казачий, был категорически против союза с ними.

Архипов же, как человек военный, хорошо знает, что за сила казачество. Если Ивкин был знаком с ними как с политической силой, то Архипов видел их на фронте, в боях. И ему очень хотелось иметь их на своей стороне верными союзниками. Это подготовленная, организованная военная сила, имеющая табельное оружие, коня, снаряжение. Или крестьянина от плуга взять, или казака? Поэтому Федор Иванович всячески старался убедить Ивкина. И по всему похоже, Ивкин свое мнение менял, а когда получил донесение огневского комиссара о желании казачьей делегации побывать в Главном штабе, сказал: «Уж принимай их ты, Федор Иванович, а я при сем буду».

Приехали в Зиминно седобородые старики верхами, при одной парной повозке. Спешившись, не торопясь, сторожко вошли в штаб, чинно расселись. Чувствовалось, что спокоействие их научилось.

Архипов, стройный, подтянутый, в одежде военного покроя, только без кобеля, вышел из-за стола, с каждым поздоровался за руку, да еще с наклоном головы, в знак особого уважения.

— Как доехали, путь не ближний, не обижали повстанцы?

— Бог миловал. В Осколковом подержали немного, да по вашему приказу отпустили.

Лица пообмякли, свободнее стали держаться казаки.

— Откуда же будете?

— Да вот антоньевские, слюдянские, николаевские, тулатинские...

— Со всей линии, значить.

Закивали головами, затрясли бородами.

— Булаву привели, везу у нас никакого резону против Советов идти.

Архипов согласно кивает головой. За всем этим наблюдает Ивкин, молча сидевший на стуле в углу.

Самый старший по возрасту, назвавшийся Повторыхным, петоропливо, толково излагает самую суть:

— Вы нас поимете, господин...

— Товарищи, товарищи, — улыбается Архипов.

— Ну, коды товарищи, то это лучше. Значит, поймете нас: служили мы Богу, служили царю, служили Отечеству. Вы это знаете. Царя вы

скинули, в Бога не веруете. Ну, Бог — это так, это что-то на тебе, дарь — далеко-далеко тоже от нас был. Из нас вот и только раз видал его. А вот Отечество всегда было, есть и будет. Его-то нам и надо оборонять. С мушкетерами у нас никакого разлада нет. Мы же так сами пахали, селили, скот водили, коней имели, охрану границ несли, службу справляли. У крестьян ничего не брали. Зла меж

таю, что это была как крайняя и чрезвычайная мера, надеюсь, больше прибегать к ней не будем. Забирайте своих одюселчан, подводы при них, я вам выдам документ, чтобы дорогой не чинили неприятностей. В добрый путь, по домам.

Но казаки что-то медлили. Повторыхный, как о чем-то тревожащем душу, спросил: — А расказывают нас будете?

где-то. И наши, соседские, тоже зашевелились, в поддержку им. Михайловка вот восстала, Огня — давно, Старо-Калмакка... Так вот чега надо встретить добром. Кому поручим это?

— Атаман есть у нас!
— Хворает он.

По пыльной дороге мчались два казачонка, посланные ранее в дозор. Орала:

— Е-е-еду-у-ут! Е-е-еду-у-ут!

Страницы истории

КРАСНЫЕ КАЗАКИ

2 АВГУСТА 1919 ГОДА НАЧАЛОСЬ НА АЛТАЕ САМОЕ МАССОВОЕ И ОРГАНИЗОВАННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН ПРОТИВ КОЛЧАКОВСКОГО РЕЖИМА. В СЕЛЕ ЗИМИНО БЫЛО ПОДНЯТО КРАСНОЕ ЗНАМЯ. АЛТАЙСКИЕ КАЗАКИ ОКАЗАЛИСЬ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: ПРИКЛЮЧИТЬ ИЛИ НЕ ПРИКЛЮЧИТЬ К ПОВСТАНЦАМ? О ТОМ, КАК РАЗВОРАЧИВАЛИСЬ СОБЫТИЯ, РАССКАЗЫВАЕТСЯ В ЭТОМ ОЧЕРКЕ.

нами нету. Супротив народа идти — не наше дело. Конечно, среди нас есть великие, не все вот такие. — Повторыхный обвел взглядом сидевших, — есть атаманы, прислужники им, родня там, кучиники. Этим боязно идти за Советами. Они и баламутят казаков. Не все они злые, умирять можно. А наших граждан из залогов отпустить просим, сильно семья переживают. Тут время такое — хлеба подошла...

Ивкин слушал и думал: «Обыкновенные крестьяне, не распри им нужны, не власть, а... хлеба подошла». И совсем уже другой образ казака вставал в его представлении. А тот, питейский, трансформировался в обыкновенного жандарма.

Вошел с рапортом Петр Семенович — командующий Чистовьевским боевым районом. Архипов встал. Казаки мгновенно, с нестариковской проворностью, встали.

Семенович доложил обстановку, подошли к карте, висевшей на стене.

— Через Усть-Пристань водой жмут нас, из Барнаула, Байска пароходами свежие силы подбрасывают, а там из Антоньевки казаки...

Казаки — парламентарии ожили:

— И наши станицы ва карте есть?

— А как же? Вот они.

Архипов карандашом показывает, а офицеры?

— Есть, из старой армия, — Архипов тычет себя карандашом в грудь, — я вот бывший прапорщик.

— Понятно, — кивают головами парламентарии. — Значит, Советская власть не преследует всех подряд.

Архипов с удивлением посмотрел на него.

— Зачем же рассказывать? Силу, красоту, гордость армия портит!

Казаки, довольные, бесшумно покинули штаб. Им предостало дальний путь до предгорий Алтая. А предгорья гудели. Вот что произошло в казачьем поселке Слюдянка до разговора казаков с Архиповым.

СЛЮДЯНСКОГО поселкового атамана Ивана Платоновича Кускова внезапно свалил недуг. Еще вчера он был бодр, ходил по поселку, а сегодня заперся в палате и никого не пускал. Пола слух, что поздней ночью из Антоньевки прискакал вестовой, что-то передал атаману, сменил косяк и умчался на Маралья Рожки. Казаки гудели. Егор Косихин раза два порывался пойти к атаману, но всякий раз к двери подошла Агафья — жена, зло шипела: «Уходите, жар у него».

Слухи бежали с невероятной быстротой. Кто-то привез поветь: восстала Михайловка. Мужики вооружаются, хотят двинуть на казачьи станицы. Из Огней сообщили, что местный штаб решил разоружить слюдянских казаков, особо непокорных арестовать. Сам же по себе собрались на площади, стали кругами.

— Что делать будем? — выделялся голос Егора Косихина. — Атаман слег. Мужикам оружие сдадим, жеп, дятешек на поругание оставим, а сами добровольно — по тюрьмам? Или белочехов хлебом-солью встретим, совместно мужиков усмирим, честь казачью защитим?

— Что предлагаешь?

— Слушайте. К нам идет чех. Извещение вчера получили, Платонич заболел, но дошло оно толком до нас. Чех идет усмирять мужиков, что бунт поднял в каком-то Зиминно. Будто под Барнаулом

Со стороны Михайловки по крутому увалу вытянулась цепочка всадников.

— Эскадрон цельный... Косихин сидел на коне, поджидая других казаков. Выстроившись попарно, на рысках вышли навстречу всадникам.

У Казанцевых суеятились. Тихо только смотрел. Отец сам рылся в сумке, выбрасывая рушники, кофты, юбки.

И когда, чеканя по гальмам подковами, в ворота въезжала группа конников во главе с щеголеватым офицером, Матрена Ивановна, одетая во все новое, вышла на крыльцо, неся вперед себя на расширотом рушнике высокий каравай хлеба с узорчатой солонкой наверху. Спустилась, приостановилась.

Офицер спешившись, небрежно бросив поводья ординарцу. Старуха степенно двинулась ему навстречу, поклонилась.

— Хлеб-соль — вам, люди. Милости прошу.

Офицер или перехватил недобрый взгляд старой казачки, или еще что-то заметил, весь передернулся.

— Что за комедий устроил?! Соседний съезд побил меня двенадцать золдат. А вы тут комедий...

Косихин стоял багровый.

Вечером, сидя за столом, размышлявший чех-офицер отчитывал его через переводчика.

— Что, не могли встретить за Михайловкой, атаман же вам приказ давал? Мы на бандацкую засаду напоролась, четверть эскадрона потеряли. Пора бы и самим мужиков к порядку призвать, усмирять. Сабля поржавела, кони животные до земли опустели, сами лапотники...

Егор схватил за гвоздь картуз.

— Прощайте. Утром поселок словно вымер.

Казачий почлю ушли в горы. Офицер приказал собрать сход. Приняли древние старики, ребятишки попрытались по огородам. Офицер полуголом выстроил эскадрон и, упрямая на стременах, стал выкрикивать в толпу. Переводчик сбивчиво повторял:

— Казаки, вы были царевы заступники, его опора. У нас высокий воинский дух.

По площади неслось:

— Вы изменили государю. Ваши сыны и дочери сделали побег в трудную минуту. Верховный правитель на вас надеялся... А вы подвели. Ваше село подлежит уничтожению! Но мы великодушны, если наши сыны вернутся, будут охранять свое село, падут поронок в Михайловке, Огнях, то мы село жечь не будем, верно?

— Понятно, — закивали в ответ.

Чехский эскадрон выстроился, и цепочка потянулась к вершине горы.

Сход не расходясь. У казаков разлад. Одни кричали: послать в горы гонца, вернуть всех по домам. А тут видно будет: пойдём или нет усмирять мужиков. Другие: не будем служить чеху, порубить иностранцев в ущелье, и квиты. Пусть в наши дела не лезут, на позор не выставляют казаков, с мужиками не страдывают.

Пока спорили, на огневской дороге покапались всадники.

— На-а-а-ши-и! — орала ребятишка.

Скоро всадники въехали в поселок. Поблескивая ремнями, впереди картинно ехал командир.

Опять стали слышать казаков на сход. Шли поуюро, опустив головы: «Что дальше-то будет?»

— Ваши сыновья и братья, — начал командир парасев, — не хотят признавать Советскую власть. Они служат Антанта: Колчаку, белогвардейцам, белочехам, кровь мужика пускают. Вот и сейчас они ушли вместе с чехами, громить села...

Кто-то крикнул:

— От чехов они скрылись!

— Знаем, от какого чеха они скрываются. Прощу внимания. По приказу главного Зиминского штаба нам велено взять из вашего поселка заложников. Это для того, чтобы ваши казаки не чинили разбой, не убивали мужиков. Подобру будут к нам, и мы подобру. Отпустим заложников. А кто вместе с нами воевать за Советы — коня, пашку, паган в под наше знамя. Добровольцы в залог есть?

Несоветовались. Несколько человек вышли из толпы.

— Что ж, остальных братья будем.

Площадь быстро опустела. И лишь к вечеру обоз из пяти подвод двинулся в сторону Огней. Крики, плач не прекращались в поселке до глубокой ночи.

ПОСЛЕ разговора с Архиповым в Зиминно и окрестности казачьи собирались к повстанцам, которые объединились в партизанские отряды.

И. ЧУПИНОВ,
краевед.
Топчихинский район.